

УДК 94(5–191.2):351.74

**ОБ ОБРАЗОВАНИИ РОЗЫСКНЫХ ПУНКТОВ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МВД
В ТУРКЕСТАНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

П.П. Литвинов

Излагается история образования розыскных пунктов Департамента полиции МВД в туркестанских городах – Ташкенте, Асхабаде и Верном. Рассматриваются проблемные вопросы этого процесса.

Ключевые слова: Туркестан; розыскные пункты; Департамент полиции МВД; политический сыск; Закаспийская область; Асхабад; Семиреченская область; Верный.

**ON THE ESTABLISHMENT OF INVESTIGATION AGENCIES OF THE POLICE DEPARTMENT UNDER
THE MINISTRY OF INTERIOR IN TURKESTAN IN THE EARLY 20TH CENTURY
(ON THE BASIS OF ARCHIVAL, LEGAL AND OTHER MATERIALS)**

P.P. Litvinov

The article shows the history of establishment of Investigation Agencies of the Police Department under the Ministry of Interior in such Turkestan cities as Tashkent, Askhabad and Vernyi. The author considers problematic issues of this process.

Key words: Turkestan; Investigation Agencies; Police Department under the Ministry of Interior; political investigation; Trans-Caspian oblast; Askhabad; Semirechenskaya oblast; Vernyi.

Нам уже приходилось писать о том, что в конце 1907 г., по взаимному согласованию между МВД и военным министерством, которому подчинялся Туркестанский край, была учреждена так называемая «охранка» – Туркестанское Районное охранное отделение (ТРОО), находившееся в ведении Департамента полиции МВД¹. Любопытно, что такой интригующий процесс, как организация царской «охранки» (и ее розыскных пунктов) в Туркестане, не получил должной рефлексии в научной литературе как «центральной», так и – региональной, причем, даже в академических изданиях «историй» республик Средней Азии и Казахстана, которые писали наиболее авторитетные советские ученые-регионоведы. Например, авторы «Истории Киргизской ССР» писали о том, что в конце 1907 г. «в Ташкенте было учреждено районное охранное отделение с розыскными пунктами в Асхабаде и Верном. Охранка следила за перепиской ведомств, учреждений и частных лиц. Чтобы обеспечить еще более широкий охват населения политическим сыском к нему была подключена полиция»². И ничего более. Академические историки Казахстана, на территории которого находился г. Верный

(позже: Алма-Ата) с его розыскным пунктом, вообще, не упоминали об образовании царской «охранки» в Туркестане, ограничившись лишь заявлением о том, что после революции 1905–1907 гг. «в профессиональные союзы и различные легальные общества рабочих засылались агенты охранки»³. И соответствующая постсоветская литература как-то обходила этот вопрос. Например, известный историк российской полиции А.Е. Скриплев, излагая историю царского МВД, упоминал и об охранных отделениях, но ничего не писал ни о Туркестанском РОО, ни о его розыскных пунктах⁴. Большой знаток истории политического сыска в дореволюционной России З.И. Перегудова в своей солидной монографии упоминает лишь об образовании Туркестанского Районного охранного отделения, да и то в череде других ему подобных. О розыскных пунктах ТРОО она не упоминает вообще⁵. И мы не находим в этом ничего удивительного. Большинство ученых предпочитало изучать политический сыск в самой России, не касаясь его проблем на национальных окраинах империи. Так было проще, поскольку не требовалось выезжать для работы в отдаленных архивах и библиотеках.

В структуре ТРОО учреждалось 3 розыскных пункта – непосредственно в Ташкенте, где его функции исполняли чины главного аппарата «охранки», а также в г. Верном и Асхабаде. Таким образом, Ташкентский розыскной пункт занимался политическим сыском в трех, так называемых «коренных» (то есть входивших в состав края до присоединения к нему в 1898 г. Семиреченской и Закаспийской областей) областях генерал-губернаторства (Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской). Понятно, что одного розыскного пункта на три области, территория каждой из которых была больше многих губерний в центральной России, было крайне мало, в связи с чем главный аппарат ТРОО тоже был вынужден, кроме общекраевых дел, заниматься проблемами политического сыска в этих областях. Более того, на Ташкентский розыскной пункт была возложена обязанность надзора за так называемыми «русскими поселками» в Бухарском ханстве. Для Семиреченской области создавался розыскной пункт в областном центре – г. Верном, а для Закаспийской области – в г. Асхабаде. Безусловно, в таком ограниченном числе розыскных пунктов ТРОО на край с территорией свыше 1,5 млн кв. верст и населением около 7 млн чел. сказывался ряд факторов. Отметим важнейшие из них. Во-первых, ограниченными были средства государственной казны. Во-вторых, военное министерство сопротивлялось внедрению в подведомственные ему пределы Туркестанского края того количества филиальных представительств Департамента полиции МВД, на которое оно рассчитывало. Есть основания полагать, что П.А. Столыпин, одновременно исполнявший обязанности премьер-министра и министра внутренних дел хотел бы иметь такие представительства не только в пяти областных центрах Туркестанского края, но также и в наиболее крупных населенных пунктах, таких, например, как Коканд (ок. 90–100 тыс. чел.), Андиган (до 60 тыс.), Чимкент (ок. 50 тыс.), Казалинск (ок. 40–45 тыс.) и др. Вполне вероятно, что Столыпин как глава правительства смог бы убедить министерство финансов выделить МВД искомые средства для образования многих розыскных пунктов Департамента полиции в Туркестане. Однако, после царского указа от 30 июля 1907 г. о приостановлении передачи Туркестанского края в ведение МВД до выработки нового правительственного «положения» об его управлении (так и не разработанного вплоть до падения царского режима), Столыпин несколько охладел к такой идее, не желая обострять и без того непростые отношения с военным ведомством. Решение вопроса об учреждении в Туркестане розыскных пунктов Департамента полиции МВД стало затягиваться.

Как ни странно, но подталкивать МВД к образованию розыскных пунктов Департамента полиции в Туркестане стали сами военные. Туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко, сменивший весной 1908 г. в должности Н.И. Гродекова, 1 ноября 1908 г. обратился в МВД с предложением поскорее образовать розыскные пункты в Асхабаде и Верном. 25 ноября 1908 г. «товарищ» министра внутренних дел А.А. Макаров сообщал об этом военному министру А.Ф. Редигеру, похвально отзываясь о заботливом Мищенко⁶. Последний был объективным человеком и 10 февраля 1909 г. в рапорте начальнику Главного штаба, поясняя причины своей самоинициативы, писал о том, что после «организации Охранного отделения работа у полиции сразу усилилась»⁷. Таким образом, Мищенко хотел, чтобы такое же усиление работы произошло и на двух отдаленных от краевого центра «флангах» Туркестанского края – в Закаспийской и Семиреченской областях. Поэтому он и хлопотал о скорейшем учреждении розыскных пунктов МВД в Асхабаде и Верном. Военное министерство поддержало инициативу туркестанского генерал-губернатора. Во-первых, оно надеялось, что в Туркестане, 95 % населения которого составляли мусульмане, МВД, не имеющее соответствующего опыта работы в таком исламском «океане», быстро опростоволосится (что, кстати, часто и имело место), а, во-вторых, *военные власти края хотели побыстрее переложить основную часть «грязной» работы с революционным движением, которой они чурались как люди чести*, на плечи ведомства, которое давно к ней привыкло. Военные руководители как в самом министерстве, так и в туркестанской краевой администрации хотели, чтобы в глазах «либерализирующихся» и революционирующихся после революции 1905–1907 гг. масс политическими инквизиторами выглядели не они, а чиновники полицейского министерства, то есть МВД. Наконец, в-третьих, они надеялись с помощью профессиональных «политических сыскарей» из МВД снизить не только накал бунтарских страстей в русскоязычном сообществе Туркестана, но и максимально препятствовать распространению в среде мусульман (составляющих абсолютное большинство населения края) идей панисламизма, пантюркизма, пантуранизма и др. Поэтому военные и подталкивали МВД к оперативному решению вопроса об образовании розыскных пунктов Департамента полиции, хотя бы там, где это было предварительно и официально намечено.

Есть все основания полагать, что открытие розыскных пунктов Департамента полиции МВД в Асхабаде и Верном могло бы затянуться и на более длительный срок, если бы не упомянутое вы-

ше письмо туркестанского генерал-губернатора Мищенко от 1 ноября 1908 г., которое он направил министру внутренних дел П.А. Столыпину, являвшемуся, как уже отмечалось, одновременно и главой российского правительства, то есть Председателем Совета министров. В письме туркестанский генерал-губернатор писал с тревогой о том, что, несмотря на завершение революции, в Средней Азии антиправительственные настроения продолжают нарастать, имеют место случаи террористических актов, грабежей, разбоев и т. п. При этом Мищенко подчеркивал необходимость принятия срочных мер в части организации розыскного дела в крае, о чем ранее была достигнута договоренность между военным министерством и МВД, следствием которой явилось образование Туркестанского Районного охранного отделения. По мнению Мищенко, особого внимания со стороны Департамента полиции МВД заслуживала Закаспийская область и ее центр – город Асхабад, ставшие прибежищем антиправительственных сил по причине географической близости Кавказского края, по его мнению, просто кишевшего революционерами и бандитами. Следует заметить, что всемогущий «временщик» не любил Мищенко. Несколько ранее позволил себе сделать достаточно грубый выговор в адрес последнего, позволившего расселиться в Туркестанском крае сектантам-молоканам, поскольку категорически выступал против допуска туда «раскольников», как тогда называли не только старообрядцев, но и адептов сект, отпавших в свое время от Русского Православия⁸. Поэтому Столыпин сам не ответил на письмо туркестанского генерал-губернатора, передав его на рассмотрение в Департамент полиции МВД. Последний, изучив все имевшиеся в его распоряжения материалы по Закаспийской области (прежде всего, донесения ТРОО), силами Особого отдела во главе с полковником Климовичем в середине января 1909 г. подготовил доклад для Столыпина, главной темой которого было учреждение в Асхабаде и Закаспийской области розыскного пункта МВД. В докладе указывалось, что учреждение такого пункта является настоятельной необходимостью, так как центральный аппарат ТРОО не может эффективно противостоять революционному движению в западной части Туркестанского края в связи со значительной его отдаленностью от Асхабада и Закаспийской области в целом. Исполняющий должность директора Департамента полиции МВД Н.П. Зуев испрашивал в докладе на первое время, до учреждения полноценного розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области 5280 рублей⁹. Следует отметить при этом, что начальник Особого отдела Департамента полиции МВД, полковник Климович в письме в 3-е делопроизводство

департамента от 13 января 1909 г. писал о том, что, пока нет официально учрежденного розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области, «надо озаботиться созданием филерского отряда и в сих видах увеличить число наблюдательных агентов Охранного отделения на шесть человек для подготовки их работы в Асхабаде с назначением каждому в месяц 50 рублей жалованья и 15 рублей на расходы». Он указывал также, что одновременно необходимо нанять и «писца» с окладом в 600 рублей в год и всех «означенных лиц» перевести в Асхабад. Расходы на эти мероприятия в сумме 5280 рублей и вошли в вышеупомянутый нами доклад Департамента полиции Столыпину¹⁰. Министр внутренних дел, ознакомившись с докладом, поддержал его основную идею, но порекомендовал запросить мнение начальника ТРОО Квицинского по этому поводу.

Любопытно, что Квицинский не спешил направлять свои соображения по этому вопросу в Департамент полиции МВД. Не исключено, что он не доверял тогдашним средствам связи, находившимся в крае под контролем военной администрации и подведомственной ей «общей» полиции. Но точно известно, что свою «записку» по вопросу об учреждении розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области, помеченную грифом «совершенно секретно», он передал лично начальнику Особого отдела Департамента полиции, полковнику Климовичу 6 мая 1909 г., когда находился в Санкт-Петербурге по делам службы. В своей «записке» Квицинский писал, что учреждать розыскной пункт в Асхабаде и Закаспийской области надо было еще в 1908 г., поскольку революционный «кавказский фактор» уже тогда был весьма силен в ней, в силу географической близости к Русскому Кавказу. Именно в Закаспийской области был арестован (и позже казненный) известный революционер-террорист Сергей Ососков. Здесь была совершена попытка покушения на Главного начальника края, генерала Мищенко, образована «Особая военная организация», а также подпольная типография, которая временно не работала, поскольку «техники» сбежали в Баку от сыщиков, командированных в Асхабад ТРОО. Квицинский указывал, что в январе 1909 г. им была направлена в Закаспийскую область часть «филерского отряда» во главе с сотрудником аппарата ТРОО, ротмистром Коробчаковым, так как в Асхабаде существовали штаб-квартиры трех подразделений, призванных бороться с революционным движением: Жандармско-полицейского управления (ЖПУ) Средне-Азиатской железной дороги, а также Асхабадского и Мервского отделений этого ЖПУ, которые, однако, ничего на этом направлении своей деятельности не добились. Ротмистр Коробчаков сумел про-

будить в них чувство служебного долга и с их помощью «настолько энергично повел дело, что уже к середине апреля выяснил группу около 50 лиц, прикосновенных к местной эс-эровской организации и находившемуся с ней в связи военно-революционному кружку... На сходке за городом было захвачено 50 нижних чинов местного гарнизона с руководителем во главе»¹¹. Квицинский отмечал, что в это же время в самом Асхабаде было арестовано около 30 членов местной организации эсеров, проведены обыски, давшие много результатов в виде конфискованной пропагандистской литературы, партийных документов, переписки и т. п. Начальник ТРОО также указывал, что Департамент полиции МВД сделал только первый полезный шаг в направлении создания полноценного розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области, выделив 5280 рублей в год на содержание шести постоянных филеров и одного «писца». Но этого мало. Для функционирования полноценного политического розыска в Асхабаде и области нужно также выделять в год: 1) на квартиру для розыскного пункта – 400 рублей; 2) на канцелярские расходы – 300 рублей; 3) на содержание сторожа – 300 рублей, поскольку если не нанимать его, то придется дежурить самим филерам, что «неминуемо ослабит розыск»; 4) на конспиративную квартиру – 300 рублей; 5) на агентурные расходы – 2400 рублей¹². Квицинский подчеркивал, что на содержание агентуры Асхабадского розыскного пункта надо ежемесячно выделять не менее 200 рублей, поскольку он будет обслуживать не только всю Закаспийскую область, но также и Амударьинский отдел, Сырдарьинской области, а равно города с сильными революционными настроениями: Красноводск, Мерв, Кизил-Арват, Чарджуй (на территории Бухарского ханства) и др. Начальник ТРОО считал, что и 200 рублей в месяц будет мало, так как в Ташкенте на агентурные расходы выделялось 330 рублей в месяц, которых явно не хватало, в связи с чем реальные расходы на содержание агентуры в Ташкентском розыскном пункте постоянно превышали 600 рублей в месяц. С выделением на агентурную работу в Асхабаде и Закаспийской области 200 рублей в месяц Квицинский соглашался лишь как с мерой «для начала дела». Он писал в «записке» дословно следующее: «Я говорю «для начала дела», так как близость к Асхабаду персидской границы (1 ½ версты от ближайшей к Асхабаду станции Средне-Азиатской железной дороги Артык) вызовет потребность в наблюдении и за туземными элементами». Он указывал, что особенно активны персидские «элементы», которые организовали подпольные школы, где раньше собирались члены местных «энджуменов»¹³. Безусловно, Квицин-

ский был прав, поскольку, как известно, в 1905 г. в Персии (так до 1930-х гг. официально называли Иран) произошел революционный переворот и «весной 1909 г. (когда Квицинский сочинял свою секретную «записку» – П.Л.) соотношение сил в стране изменилось в пользу революции»¹⁴. Энджумены (букв.: «объединения») в то время работали не только в самой Персии, но и нелегально – в местах компактного проживания персов в Закаспийской области, за которыми ТРОО, понятно, должно было следить, тем более, что известный в России своей революционностью Баку, заселенный преимущественно мусульманами-шиитами, был неподалеку, и персы часто переезжали из него через Каспий в Закаспийскую область, и обратно. Как явствует из документов, персидские «энджумены» в то же время тревожили и военную администрацию Туркестанского края. 16 июля 1909 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов направил телеграмму в копиях военному министру В.А. Сухомлинову и министру иностранных дел А.П. Извольскому, в которой сообщал о деятельности в Асхабаде «правильно организованного персидского энджумена на Таманской улице, в училище Музаффари». При этом он перечислял имена членов этой организации, указывая, что есть и иные, пока нераскрытые¹⁵. 26 июля 1909 г. Сухомлинов телеграфировал туркестанскому генерал-губернатору о том, что надо незамедлительно разогнать энджумен в Асхабаде с «выдворением в пределы Персии персидских подданных – членов данного энджумена»¹⁶. Квицинский писал, что настоятельно необходимо, чтобы сотрудники Асхабадского розыскного пункта в своей работе органически слились с деятельностью центрального аппарата ТРОО, а потому на должность начальника Асхабадского розыскного пункта Департамента полиции МВД нужно назначить человека из этого аппарата, как уже имеющего известный опыт работы в Средней Азии. Он рекомендовал назначить на искомую должность состоявшего при нем в качестве «чиновника для поручений» ротмистра Коробчакова, как уже достойно проявившего себя по службе, в том числе и в Закаспийской области во время выездов туда по делам службы. По его расчетам, заведующий розыскным пунктом в Асхабаде и Закаспийской области должен был получать не менее 3600 рублей.

«Совершенно секретная» записка начальника ТРОО обсуждалась в Особом отделе Департамента полиции МВД. В соответствии с установленной процедурой, Департамент приступил к консультациям с «заинтересованными» ведомствами – финансовым и военным. Министерство финансов согласилось выделить требуемые на организацию розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской об-

ласти средства. Главный штаб военного министерства уведомил МВД, что к назначению ротмистра Коробчакова заведующим розыскным пунктом в Асхабаде и Закаспийской области «препятствий не имеется». На основании содержания самой записки Квицинского, а также отзывов «заинтересованных» министерств, начальник Особого отдела Департамента полиции МВД, полковник Климович подготовил соответствующий докладную записку о средствах, штатах и должностных передвижениях в ТРОО и Асхабадском розыскном пункте, которая была 17 мая 1909 г. утверждена «товарищем» (заместителем) министра внутренних дел, командиром Отдельного корпуса жандармов, генерал-майором Курловым. В то же день Климович уведомил 3-е и 1-е делопроизводства Департамента полиции МВД о том, что средства на образование розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области выделены, заведующим пунктом будет ротмистр Коробчаков. Однако, утвержденная 17 мая 1909 г. Курловым докладная записка Особого отдела Департамента полиции МВД не стала «днем рождения» розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области. Им стало 23 мая 1909 г., когда исполняющий должность вице-директора Департамента полиции МВД Зарецкий представил «товарищу» министра внутренних дел Курлову специальный доклад «Об учреждении в городе Асхабаде розыскного пункта». Любопытно, что в докладе имя заведующего пунктом не фигурировало, но устанавливался «оклад жалованья» для него, состоявший из офицерского оклада (1368 руб.) и «добавочного содержания» от Департамента полиции МВД – 2400 рублей в год. Ровно столько же выделялось в год на содержание агентуры розыскного пункта. Предусматривались расходы на найм помещения для последнего, сторожа, канцтовары. В докладе указывалось, что все расходы на содержание розыскного пункта суммарно составят в год 6110 рублей, «с отнесением сего расхода на секретную сумму Департамента полиции». В тот же день, 23 мая 1909 г., генерал-майор Курлов начертал на докладе резолюцию: «Согласен»¹⁷. Циркуляром от 1 июня 1909 г. об образовании в Асхабаде и Закаспийской области розыскного пункта были извещены все начальники губернских жандармских управлений, начальники всех охранных отделений, пограничных пунктов для сведения и обращения к нему в случае необходимости.

27 июня 1909 г. начальник ТРОО, Отдельного корпуса жандармов подполковник Квицинский просил Департамент полиции МВД выслать ему для передачи заведующему розыскным пунктом в Асхабаде и Закаспийской области «жандармского и губернского слоговых и цифрового полицейского

шифровых ключей», а также «Положение о Районных охранных отделениях и розыскных пунктах». 8 июля 1909 г. исполнявший должность вице-директора Департамента полиции Виссарионов направил в ТРОО испрашиваемые Квицинским документы. В связи с этим нам хотелось бы указать на тот «набор» документов, которые обязательно должны были иметь тогда все Районные охранные отделения и подведомственные им розыскные пункты. К таковым относились: 1) Положение о Районных охранных отделениях; 2) Положение об Охранных отделениях за № 264; 3) Инструкция начальникам Охранных отделений по организации наружного наблюдения; 4) Инструкция № 115 по организации наружного (филерского) наблюдения с формой ведения отчетности; 5) Циркуляр начальникам Районных охранных отделений и Губернских жандармских управлений от 3 сентября 1907 г. за № 133935 с приложением формы сводок к § 10 Положения об Охранных отделениях; 6) Циркуляр начальника Губернских жандармских управлений и Охранных отделений от 21 сентября 1907 г. за № 135322 с приложением формы «В» отчета. Выслав все эти документы, Виссарионов писал то же, что и всем другим в такого рода случаях: «Означенные документы должны быть хранимы с соблюдением исключительных мер предосторожности и снятие с них копий ни в каком случае не допускается». При этом он подчеркивал, что о получении этих документов заведующий розыскным пунктом в Асхабаде и Закаспийской области обязан лично и незамедлительно доложить в Департамент полиции (что Коробчаков и сделал 29 августа 1909 г.). Что же касается ключей шифров, то Виссарионов писал, что «секретные телеграфные ключи будут высланы дополнительно»¹⁸.

Следует отметить, что заведующий розыскным пунктом в Асхабаде и Закаспийской области, ротмистр Коробчаков подбирал свою команду вплоть до конца 1909 года. Так, 11 ноября 1909 г. он направил в 3-е делопроизводство Департамента полиции МВД четыре счета на сумму в 193 руб. 60 коп., указывая, что «настоящий расход вызван необходимостью перевода из Туркестанского Районного охрального отделения трех филеров и одного писца». 2 декабря 1909 г. Коробчаков послал в указанное делопроизводство еще два счета на сумму в 92 руб. 10 коп., истраченных, как он писал, «для перевода на службу во вверенный мне пункт из г. Баку – Григория Ложкина и из Ташкента – Григория Кынина»¹⁹. Таким образом, из этого следует, что заведующие розыскными пунктами в Туркестанском крае имели право подбирать кадры не только в пределах последнего, но и там, где они это считали оправданным и полезным. Таким образом,

учитывая все организационные процедуры, Асхабадский розыскной пункт Департамента полиции МВД окончательно оформился, на наш взгляд, лишь в конце 1909 – начале 1910 гг.

Открытие розыскного пункта Департамента МВД в г. Верном (для Семиреченской области) было также связано с упоминавшимся нами выше письмом (от 1 ноября 1908 г.) туркестанского генерал-губернатора Мищенко Столыпину, в котором он выражал удивление по поводу того, что в центре Семиреченской области – г. Верном не созданы органы «жандармского надзора», несмотря на положительное решение МВД по этому вопросу. О том, как отреагировал «премьер» на это письмо, мы писали выше. Добавим лишь, что Столыпин внес свою лепту в то, чтобы в марте 1909 г. Мищенко на посту туркестанского генерал-губернатора сменил А.В. Самсонов. Последний 27 июня 1909 г. обратился в МВД, но не к самому министру Столыпину, а к его «товарищу» и командиру Отдельного корпуса жандармов, генерал-майору П.Г. Курлову. Он напоминал тому об обращении в МВД своего предшественника в начале ноября 1908 г. и писал, что Семиреченская область, центр которой отдален от краевого на 773 версты, «лишена всякого жандармского надзора и политический розыск в названной области должен осуществляться чинами общей полиции». При этом он отмечал, что в областном центре – г. Верном имеются «зачатки» политического розыска, «которым ведает местный полицмейстер, старательный, но малоопытный в столь трудном деле хорунжий Поротиков»²⁰. Туркестанский генерал-губернатор писал, что скорейшее учреждение в Семиреченской области органа политического розыска тем более настоятельно необходимо, что именно она стала главным направлением переселенческих потоков в крае. Многие тысячи людей переселяются в Семиречье в связи аграрной реформой Столыпина, среди которых, безусловно, есть много политически неблагонадежных элементов. К тому же положение переселенцев таково, что его могут «использовать в агитационных целях революционные деятели». Исходя из этого, писал Самсонов, учреждение розыскного пункта в городе Верном «представляется, по моему мнению, очевидным». «Главный Начальник края» (как именовали часто туркестанских генерал-губернаторов) просил до официального учреждения политического розыска в Верном прислать туда хотя бы «особого жандармского офицера, состоящего в распоряжении Туркестанского Районного охранного отделения»²¹. 20 июня 1909 г. Курлов доложил об этом письме министру внутренних дел и Председателю Совета министров Столыпину. При этом он рекомендовал,

несмотря на ограниченность средств, учредить в Верном и Семиреченской области стационарный розыскной пункт с подчинением его Туркестанскому Районному охранному отделению. В письме Курлова к Столыпину приводились также «Штаты розыскного пункта в Верном и Семиреченской области» которые давались им по примеру такого рода «штатов» розыскного пункта в Асхабаде и Закаспийской области.

В июле 1909 г. Особый отдел Департамента полиции МВД телеграфировал в Ташкент начальнику ТРОО, предлагая сообщить имена кандидатов, которые, по его мнению, могли бы возглавить учреждаемый розыскной пункт в Верном и Семиреченской области. Любопытно, что в это же время на имя исполняющего должность вице-директора Департамента полиции МВД Виссарионова поступила телеграмма из Калуги, от помощника начальника местного губернского жандармского управления, ротмистра Черкасова, который просил, в связи с образованием розыскного пункта в Верном и Семиреченской области, назначить его на должность заведующего этим новым учреждением в системе Департамента полиции МВД. Мы полагаем, что направление такой телеграммы не было «случайным совпадением». Безусловно, Департамент полиции имел свой кадровый резерв с тем, чтобы использовать его в плане ротации в новых местах с целью распространения полезного розыскного опыта. То, что ротмистр Черкасов имел такой опыт в Калужской губернии, где события революции 1905–1907 гг. проходили, в отличие от Туркестана, весьма бурно, можно было не сомневаться. Мы усматриваем здесь и некую кадровую интригу – ротмистр Черкасов как «человек со стороны», не имевший никаких связей в Туркестанском крае, мог стать хорошим осведомителем Департамента полиции МВД о том, как обустроились и начали работать на «избранном» направлении чины ТРОО и Ташкентского розыскного пункта, которые за год с лишком успели обзавестись весьма разнообразными «связями» с военной администрацией края.

21 июля 1909 г. начальник ТРОО Квицинский телеграфировал Н.П. Зуеву о том, что по старшинству службы во вверенном ему учреждении на должность заведующего розыскным пунктом в Верном и Семиреченской области могли бы претендовать штаб-ротмистры Лалитин и Прушевский, которые и были предложены им туркестанскому генерал-губернатору, однако тот отказался утвердить эти кандидатуры. В связи с этим Квицинский предлагал назначить на искомую должность начальника Ташкентского жандармского отделения, ротмистра Ильина, жена которого плохо выносит жаркий климат в Ташкенте, а в Семи-

реченской области он много мягче и напоминает «погоду» в средней полосе России. Начальник ТРОО просил настоять на утверждении кандидатуры Ильина, поскольку ему не хотелось бы терять ценного и опытного работника политического розыска. Однако ответа на это письмо Квицинский не получил. Вместо него, к нему поступило предписание Виссарионова от 29 июля 1909 г., в котором сообщалось, что «товарищ» министра внутренних дел, генерал-майор Курлов утвердил доклад Департамента об образовании розыскного пункта в Верном и Семиреченской области с подчинением его начальству Туркестанского Районного охранного отделения, а также ранее предложенные им «штаты» нового розыскного учреждения. В адрес Квицинского поступила также копия секретного циркуляра директора Департамента полиции Зуева от 30 июля 1909 г., в котором все начальники губернских жандармских управлений, начальники районных охранных отделений, а также Варшавский полицмейстер уведомлялись об открытии в Верном и Семиреченской области, Туркестанского края розыскного пункта с тем, чтобы обращаться к нему по мере возникающих у них надобностей. Но официального ответа на вопрос о том, кто возглавит новый розыскный пункт Квицинский не получил и должен был лишь довольствоваться слухами на сей счет. Это представляется тем более любопытным, что уже 31 июля 1909 г. на должность заведующего розыскным пунктом в Верном и Семиреченской области официально был назначен калужанин, ротмистр Черкасов. В архивном деле об учреждении розыскного пункта в Верном и Семиреченской области нет никаких подробностей об этом назначении, однако, мы, зная специфику взаимоотношений военного министерства и МВД по таким и иным вопросам, попробуем прояснить ситуацию. Как известно, кадровые назначения в структуре ТРОО должны были осуществляться с согласия туркестанского генерал-губернатора, который, как отмечалось выше, отверг две кандидатуры на должность заведующего учреждаемым новым розыскным пунктом, представленные им Квицинским и, надо полагать, не беспричинно. Очевидно, и Лалитин, и Прушевский уже успели к тому времени примелькаться в руководящей «среде» Туркестанского края, чуждой им по ведомственной принадлежности. И они не могли не вступить в те или иные конфликты с «военной» общей полицией края. А генерал-губернатор, разумеется, не мог не знать об этом и, соответственно, отказался поддерживать кандидатуры «чужаков». Поэтому он вполне мог отклонить и кандидатуру ротмистра Ильина, тем более по причинам, явно не относящимся к непосредственно служебным. Обойти предвзятость

отношения Самсонова к местным выдвиженцам Квицинского можно было только, предложив ему кандидатуру, никак не связанную ранее с Туркестаном, против которой ему было бы трудно аргументировано возражать. Но, поскольку туркестанский генерал-губернатор находился в подчинении военного министра, то, понятно, этого нельзя было сделать без ведома последнего. Но новый военный министр В.А. Сухомлинов не стал из-за такой мелочи портить отношения с пока еще всесильным временщиком Столыпиным. Необходимый консенсус между двумя министерствами был достигнут, а ротмистр Черкасов обрел новую должность в местах, более теплых, нежели калужские.

31 июля 1909 г. Курлов писал туркестанскому генерал-губернатору Самсонову о том, что министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин счел его письмо от 27 июня того же года заслуживающим внимания и принятия «надлежащих мер». И, по его распоряжению, в Туркестанском крае открывается еще один розыскной пункт в Верном Семиреченской области, подчиненный начальству местного Районного охранного отделения. Курлов подчеркивал, что в итоге указанных мер, Туркестанский край в лице местного охранного отделения, вкупе с подведомственными ему розыскными пунктами в Ташкенте, Асхабаде и Верном, получил 12 «интеллигентных работников» и 35 низших служащих, которые «с успехом могут выполнить свою прямую задачу жандармского надзора в крае и в достаточной степени могут оказать помощь местной полиции для правильной организации борьбы с бандитами, прибывающими с Кавказа»²². Любопытно, что начальник ТРОО, подполковник Квицинский, был уведомлен Департаментом полиции МВД о назначении Черкасова только 4 августа 1909 г.

Черкасов прибыл в Верный 15 октября 1909 г., о чем тут же уведомил телеграммой Особый отдел Департамента полиции МВД. Однако это не означало, что розыскной пункт в Верном начал работать. Назначенный на должность письмоводителя и заведующего наружным наблюдением чиновник на новое место службы не явился. Пришлось искать другого и, понятно, только через соответствующие структуры МВД. В итоге, только в конце 1909 г. на указанную должность был назначен некто Грюндлер²³. Таким образом, фактически Верненский розыскной пункт в полном штатном составе начал действовать, как и Асхабадский, лишь в начале 1910 г.

Из вышеизложенного явствует, что после образования органов царской «охранки» в Туркестане в конце 1907 г., потребовалось еще более двух лет для того, чтобы организовать и привести в действие все присущие ей структуры. В процессе

учреждения розыскных пунктов Департамента полиции в регионе особого усиления противоречий между МВД и военным министерством как «хозяйном» Туркестанского края не наблюдалось.

Примечания

1. См.: Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 214–224.
2. История Киргизской ССР: в 5 т. Т. 2. Фрунзе: Наука, 1986. С. 288.
3. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1979. С. 425.
4. См.: Скрипилев А.Е. Министерство внутренних дел // Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А.Е. Скрипилев. М., 1996. С. 11–40.
5. См.: Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З.И. Перегудова. М., 2000. С. 123.
6. РГВИА. Ф. И-400. Оп.1. Д. 3680. Об увеличении полицейских штатов в Туркестанском крае и Закаспийской области. Л. 15 об.
7. РГВИА. Ф. И-400. Оп.1. Д. 3680. Л. 23.
8. См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / П.П. Литвинов. Елец, 1996. С. 104.
9. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Об учреждении в гор. Асхабаде Розыскного пункта. Л. 3–4.
10. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 2.
11. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 5 об – 6.
12. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 6.
13. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 6 об.
14. Губер А.А. Новая история стран Азии и Африки / А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. М., 1975. С. 419.
15. РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3772. По представлению Туркестанского генерал-губернатора о необходимости надзора за мусульманском в Средней Азии. Л. 38–38 об.
16. РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3772. Л. 43.
17. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 11.
18. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 18 об.
19. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 21, 22.
20. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 283. Об учреждении розыскного пункта в гор. Верном. Л. 2 об.
21. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 283. Л. 3 об. – 4.
22. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 283. Л. 13 об. – 14.
23. ГАРФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 283. Л. 22.